

Цзян Жунъи, слегка утомившись, смежил веки и позволил Цзян Юньси ответить за него.

— Мы направляемся на испытание клана Цзян.

— Вот уж совпадение! Я как раз прибыл из секты Пэнлай. Поскольку клан Цзян почитает наших бессмертных, по правилам раз в десять лет мы принимаем двух учеников из вашего рода.

Тань Цзинфан, человек от природы молчаливый, сегодня изо всех сил старался продлить беседу с пассажирами повозки.

— Секта Пэнлай? — Цзян Жунъи открыл глаза, уперся рукой в сиденье и подался вперед, сокращая расстояние. Прищурившись, он с трудом разглядел собеседника.

Перед ним стоял юноша лет восемнадцати-девятнадцати — свежий, с легкой припухлостью на щеках, по лицу которого сразу можно было узнать выходца из праведной школы.

Верно, Пэнлай — одна из шести великих школ праведного пути. В свое время именно они настаивали на том, чтобы все силы добра объединились для истребления демонического культа. Они же усерднее всех преследовали самого Цзян Жунъи, из-за чего у него при одном только виде их серебристо-белых одеяний начинала раскалываться голова. Впрочем, чрезмерная непримиримость к злу истощила силы секты, и из лидеров праведного пути они превратились в замыкающих шестерку.

— Боюсь, нам с Пэнлай не по пути, — Цзян Жунъи потерял интерес, едва услышав название секты, и лениво откинулся назад.

Лишь тут Тань Цзинфан спохватился: Пэнлай принимает только детей до десяти лет. В юном возрасте их души еще не осквернены суетой мира, и им легче встать на путь совершенствования. А Цзян Жунъи — взрослый мужчина, очевидно, простой человек без таланта.

При этой мысли Тань Цзинфан почувствовал странный укол в сердце. Такой человек... такой человек должен быть рожден небожителем. Парить в облаках, взирая на мир с той самой небрежной отстраненностью, с тем милосердием во взгляде, которое, не выказывая ни капли презрения, заставляет любого рядом почувствовать себя ничтожным. Как он может быть обычным смертным?

Тань Цзинфан едва не лишился душевного равновесия, и лишь вспыхнувший в центре лба знак очищения сердца помог ему прийти в себя. Всего лишь смертный. Пройдет десять-двадцать лет, и он увянет, словно цветок на закате, превратившись в пыль. Наваждение рассеялось, сознание прояснилось, и состояние духа Тань Цзинфана поднялось на новую ступень.

Достигнув ворот города Шанъинь, он даже не обернулся, бросив напоследок:

— Здесь наши пути расходятся. Надеюсь, еще увидимся.

Он уже собирался прочесть заклинание, чтобы устремиться ввысь на ветре, как вдруг его окликнули:

— Постой.

Тань Цзинфан обернулся и неожиданно утонул в сиянии звезд — глазах Цзян Жуньи. Все прежние мысли вмиг обесценились, звуки и краски мира померкли, остался лишь этот человек. В тишине Тань Цзинфан слышал бешеный стук собственного сердца и собственный голос:

— Ч-что случилось?

— Одолжи денег, — произнес Цзян Жуньи.

Сейчас у брата с сестрой не было ни гроша, а за вход в город требовалась пошлина. Тань Цзинфан, словно потеряв контроль над телом, выгреб из мешочка для хранения все серебро и духовные камни, сета на то, что не взял с собой больше.

— Этого хватит? — он смущенно протянул все, что у него было.

— Хватит, спасибо, старший брат, — ответила Цзян Юньси.

Тань Цзинфан словно не слышал ее, не отрывая взгляда от человека в повозке, надеясь, что тот посмотрит на него еще хотя бы раз. Знак очищения сердца, почувствовав смятение, снова вспыхнул. Тань Цзинфан запоздало очнулся, не смея больше поднять глаз, и взмыл в небо, оставив позади толпу изумленных горожан.

Лишь он сам знал, что это было позорное бегство.

— Это был бессмертный? — Цзян Юньси смотрела вслед удаляющейся фигуре, ее глаза сияли, а в сердце зародилась огромная надежда на легендарный мир совершенствования. Она спросила саму себя: — Смогу ли и я стать такой же, как они?

Цзян Жуньи закашлялся, прикрыв рот рукой. Девочка тут же забыла о своих мечтах и бросилась ухаживать за болезненным братом. Но если она уйдет в Пэнлай, что будет с ним?

— Пэнлай? — Цзян Жуньи перестал кашлять и, опираясь на руку сестры, выбрался из повозки.

— Если уж и идти куда, то в секту Шанъянь.

Шанъянь — первая секта в мире совершенствования. Там собраны лишь самые одаренные таланты, а во главе стоит человек, достигший невероятных высот: Золотое ядро за десять лет, Зарождение души за сто — до бессмертия ему оставался всего один шаг. Даже глава десяти тюрем, сотни лет наводивший ужас на демонический мир, пал от его руки. Его звали Чжоу

Сывэй.

Повозка остановилась у ворот поместья Цзян. Цзян Юньси прыгнула на землю и спросила стражников, когда можно пройти испытание духовных костей. В мире Тасянь лишь те, кто обладает духовными костями, могут встать на путь бессмертия. У кого-то они в глазах — такие легко овладевают иллюзиями, у кого-то в ногах — такие бегают быстрее ветра. Но это обычные кости. Есть и редчайшие — кости меча в позвоночнике, рождающие прирожденных мечников.

Не успел стражник ответить, как рядом остановилась роскошная карета. Ее везли три белоснежных коня — смесь духовного зверя с обычным, послушные и быстрые, стоящие сотни духовных камней. В такой карете мог ехать лишь знатный господин.

Спустя мгновение из повозки вышел юноша и с презрением взглянул на Цзян Юньси:

— Откуда взялось это чудовище?

На лице девочки было большое темно-красное родимое пятно, закрывавшее половину щеки. Ее с детства дразнили, она привыкла и не стала отвечать. Стражник, еще минуту назад державшийся надменно, при виде юноши расплылся в подобострастной улыбке:

— Господин, как вы здесь оказались?

Юноша даже не взглянул на него, повернувшись к карете:

— Цзяожу, будь осторожна, не запятнай свои глаза.

Оказалось, внутри был кто-то еще. Подул ветерок, зазвенели колокольчики на крыше. Из кареты показалась изящная, словно без костей, рука, а затем и сама девушка. Шестнадцать лет — возраст расцвета, свежести и сладости. Лицо скрыто вуалью, видны лишь ясные, влажные глаза. Но не успел никто всмотреться в них, как внимание привлекла тонкая, едва уловимая благовонная дымка, заставляя гадать, какая красота скрывается под тканью.

Цзян Цзяожу, первая красавица города Шанъинь. Но, несмотря на красоту, слова ее были ядовиты:

— Откуда здесь взялась эта нищенка?

Цзян Юньси была одета просто, но опрятно, и называть ее нищенкой не было никаких оснований.

— Верно, гоните её прочь! — подхватил юноша, желая выслужиться перед богиней.

— Я из боковой ветви клана Цзян, я не нищенка, — попыталась объяснить Цзян Юньси.

Но её словно не слышали. Стражник, повинаясь приказу, попытался оттолкнуть девочку. Началась потасовка, у ворот поднялся шум.

— Юньси? — Цзян Жунъи, отдыхавший в повозке, проснулся. — Что случилось?

Ответа не последовало, и он, ощупывая стенки, выбрался наружу. Солнечный свет был слишком ярким; долго пробыв в тени, Цзян Жунъи невольно прослезился. Он не видел, что происходит, и просто повернул голову туда, где чувствовал людей.

— Юньси?

Шумная толпа у ворот вмиг стихла, слышно было лишь прерывистое дыхание. Если красота Цзян Цзяожу была туманной и загадочной, то облик Цзян Жунъи поражал прямоотой и чистотой — это была красота, не требующая слов.

Первой опомнилась Цзян Цзяожу. Она всегда считала себя первой красавицей города, но сегодня какая-то деревенщина затмила ее. Прохожие вокруг тоже начали перешептываться:

— Кажется, даже первая красавица города не сравнится с ним.

— Истинно так. Увидеть такое — и умереть не жалко.

Цзян Цзяожу, обладавшая острым слухом, не могла не разозлиться. Ее собственные духовные кости были посредственными, до стандартов Пэнлай ей было далеко, и она надеялась лишь на свою внешность, чтобы зацепиться за могущественную секту. А тут появился он.

— Брат, — Цзян Юньси было обидно, но она привыкла терпеть. — Все хорошо, я в порядке.

Цзян Жунъи, услышав голос, понял, что ошибся стороной, и спросил:

— Когда начнется испытание?

Тот самый наглый юноша поспешил ответить, стараясь угодить:

— Завтра. Все постоянные дворы в городе принадлежат нашему клану, можете остановиться в любом.

Цзян Цзяожу скрипнула зубами. Она не жаловала этого назойливого юношу, но не могла вынести, что он переключил внимание на другого. Сдержавшись, она напредила:

— Идемте, не будем терять времени.

Юноша, вспомнив о банкете, с сожалением попрощался с Цзян Жунъи и последовал за Цзян Цзяожу. Банкет был устроен в честь посланника секты Пэнлай. Сама Цзян Цзяожу не имела права там быть, лишь титул первой красавицы позволил ей занять место.

— Как тебе тот человек? — спросила она, не спрашивая, красивее ли он ее — она и так знала ответ.

Юноша вздохнул:

— Даже бессмертные вряд ли превзойдут его. Боюсь, посланник тоже потеряет голову.

Эти слова ударили по больному. Цзян Цзяошу была злопамятной и привыкла использовать свою красоту как оружие. Цзян Жунъи не только заставил ее потерять лицо, но и оказался красивее — она не могла этого простить. Она украдкой достала из браслета желтую бумагу, прошептала заклинание, и бумага, вспыхнув сама собой, рассыпалась пеплом.

В этот момент Тань Цзинфан, сидевший на банкете, нахмурился. Глава клана Цзян, наблюдавший за ним, испугался:

— Что-то не так, посланник?

Тань Цзинфан покачал головой. Люди из Пэнлай очень чувствительны к демонической ци. Он уловил легкий след, но тот был настолько слаб, что он решил, будто ошибся. Шанъинь под защитой Пэнлай, откуда здесь взяться демонам? Он сидел, не в силах сосредоточиться, и после долгих колебаний решил проверить все сам — лучше перестраховаться.

Тем временем Цзян Юньси искала ночлег. Город был переполнен, в трех постоянных дворах мест не оказалось. Когда колеса катились по мостовой, Цзян Юньси на миг прикрыла глаза, а открыв их, увидела густой лес. Она в изумлении распахнула глаза: только что была городская улица, откуда взялся лес? Сон? Она ущипнула себя за бедро — больно. Не сон.

— Брат! — позвала она, оглядываясь. Цзян Жунъи спал — его тело было тяжело ранено и нуждалось в отдыхе. Если бы он проснулся, то сразу понял бы, что это примитивная ловушка, иллюзия.

Цзян Юньси остановила повозку, сглотнув от страха.

— Ха-ха-ха! — со всех сторон раздался резкий смех. — Красавица, иди поиграй с нами!

Снова красавица. Цзян Юньси была невозмутима — она уже привыкла, что с тех пор, как они покинули родной городок, брата постоянно так называют. Она лишь считала, что он немного красивее других.

Из воздуха возникли две черные фигуры. Они посмотрели на Цзян Юньси и хором воскликнули:

— О?

Их удивило не уродливое пятно на лице девочки, а странная энергия, исходящая от нее.

— Тело Девяти Инь? — переглянулись они. — Сейчас проверим!

Они потянулись к ней, но в этот миг рассекающий воздух поток духовной энергии заставил их отпрянуть. Это был Тань Цзинфан.

— Демоническое отродье!

Ученики Пэнлай ненавидят зло. Первое правило секты: увидишь демона — убей!

Эти двое были известны как Инь-Янские посланники, пара братьев-близнецов. Их техники дополняли друг друга, и поодиночке они были слабы, но вместе могли бросить вызов более сильным противникам. Они прославились не силой, а тем, что высасывали жизненные силы из совершенствующихся. Когда был жив верховный демон, он презирал таких, и они прятались, но теперь, когда тот был мертв, они осмелели.

Тань Цзинфан впервые столкнулся с демонами в бою. Он не был им ровней, но как ученик Пэнлай не мог бросить смертных. Он встал перед повозкой, словно богомол, пытающийся остановить колесницу, но не отступил ни на шаг.

— Мне нравится, — усмехнулись посланники. — Праведники такие забавные.

Они играли с ним, как кошка с мышкой, сбивая с ног и наблюдая, как он с трудом поднимается. Когда Тань Цзинфан, истекая кровью, в очередной раз пытался встать, проснулся Цзян Жунъи.

— Что опять? — недовольно пробормотал он. Голос его, сонный и мягкий, звучал как ласка.

Инь-Янские посланники, знавшие толк в таких вещах, возбужденно воскликнули:

— Находка! Настоящий клад!

Им стало не до Тань Цзинфана. Отшвырнув его, они бросились к повозке. Цзян Жунъи сам выбрался наружу, опираясь на руку сестры, и прищурился, пытаясь понять, что происходит.

— Вы... — начал он.

Посланники схватили его за руки:

— Красавчик, пойдем повеселимся.

— Хорошо, — не сопротивляясь, ответил Цзян Жунъи, глядя на них мягким взглядом. — Здесь дети, давайте отойдем вглубь леса.

Одурманенные похотью, они согласились и потащили его в чашу.

— Брат! — закричала Цзян Юньси, но один из демонов взмахом руки усыпил ее.

— Я первый! — заспорили братья, считая Цзян Жунъи своей добычей.

— Давайте... — прислонившись к дереву, прошептал Цзян Жунъи, — сразу вдвоем.

Обессиленный Тань Цзинфан смотрел, как Цзян Жунъи уводят в чащу. Его грызло раскаяние: почему он так слаб? Если бы он был сильнее, то спас бы его. Он почувствовал вкус крови — от ярости он прокусил губу до мяса. Неожиданно в нем вспыхнули силы, он поднялся и, пошатываясь, побрел следом. Он спасет его, даже если придется отдать жизнь.

— Ты такой нетерпеливый, красавчик, — предвкушали демоны, срывая с него одежду.

Но прежде чем они успели что-то сделать, в лесу поднялся ураган. Духовные кости Цзян Жунъи были разбиты, поток энергии хаотичен, но это не значит, что с ним можно делать что угодно. Он едва приоткрыл тонкие губы:

— Десять тюрем.

— Что? — не расслышали демоны.

Черные волосы разметались по лицу, Цзян Жунъи улыбнулся, и два облачных узора под его глазами вспыхнули ярким светом, пробиваясь сквозь слой пудры.

— Цзян... — успели прошептать они, прежде чем их тела превратились в кровавый туман.

Цзян Жунъи закрыл глаза, вдыхая густой запах крови. Злодей Цзян Уван, известный как Владыка десяти тюрем. Он владел самым жестоким мечом — Десять тюрем. Меча больше нет, но Цзян Жунъи сохранил его намерение — достаточно одного движения мысли, чтобы убить без следа. Но его нынешнее тело могло выдержать лишь один такой удар.

— Кха-кха...

<http://bllate.org/book/22488/2371107>